
**«УКРАИНА–РУСЬ», «ФИННО-УГОРСКИЕ КОЛОНИИ»
И БЕЛОРУССКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ:
ОБОСНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА
В ОФИЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ**

В.В. Керов

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

Статья содержит анализ новейших официальных учебников по национальной истории Украины и Беларуси. Учебники рассматриваются в свете задач обоснования национального суверенитета, стоявших перед историками образовавшихся после распада СССР государств. Сопоставительный анализ позволил выявить два типа такого обоснования: антироссийский и не имеющий конфронтационных тенденций. При этом оба типа продемонстрировали свою эффективность.

Ключевые слова: Россия, Украина, Беларусь, национальная история, суверенитет, мифологизация, школьные и вузовские учебники.

После распада СССР в новых независимых государствах очень быстро были созданы собственные учебники по национальной истории – истории Украины, Казахстана, Латвии и пр. Первые издания еще не были основаны на достижениях собственной новой академической науки. Так, например, на Украине в качестве учебных пособий использовались переиздания «Очерка истории украинского народа» (1) историка конца XIX – первой трети XX в. М.С. Грушевского, считавшего, что ««общерусской» истории не может быть, как нет «общерусской» народности» (2).

Кроме того, в украинской высшей школе в начале 1990-х гг. была популярна переведенная с английского книга профессора Йоркского университета в Торонто украинского происхождения О. Субтельного (3).

Позже частично на основе развития академических исследований, а точнее, интерпретаций ранее выявленных фактов (4), были написаны новые оригинальные учебники и учебные пособия. С разной степенью отрыва от исторической действительности и накала антироссийских настроений авторы этих учебников принялись формировать часто мифологизированные представления об исторических процессах на получивших новую государственность территориях.

В новой учебной литературе Украины фрагменты традиционной российской истории стали окрашиваться в украинские цвета. Так, Ярослав

Мудрый, Владимир Мономах и другие киевские князья говорили на «древне-украинском языке» в отличие от также называвших себя русскими финно-угров, населявших Ростовское, Владимирское и Суздальское княжества (5). Вообще часто речь идет уже в X–XII в. о «культуре Украины-Руси», в соответствии с концепцией М.С. Грушевского (6). В разделах «Украинская культура» упоминаются такие деятели «украинской» литературы, как Феофан Прокопович, Дмитрий Ростовский, ученые и педагоги, в том числе автор первого русского учебника математики Л. Магницкий, филолог И. Срезневский и др. (7). Естественно, Иван Федоров был первым украинским книгопечатником (8) и т.д.

В главах, описывающих исторические процессы, начиная с XVII в., практически обязательными являются антироссийские пассажи. Российское государство представляется как агрессор и угнетатель. Все договоры XVII в. России с Польшей были «насильственными» по отношению к некоей Украине. Гетман Мазепа был объявлен героем освободительного движения, который «противодействовал наступлению царизма на украинскую автономию. Эпоха Мазепы – это время возрождения Украины». Русские войска были представлены, в том числе во время Северной войны, оккупантами, творившими зверства. Так, при взятии Батурина (не для уничтожения арсенала и запасов Мазепы, а для того чтобы «запугать украинцев и окончательно покорить их, лишив стремлений к свободе»), «московские вояки... устроили в нем кровавую резню – жестоко убили всех его обитателей, даже женщин и грудных младенцев» (9).

Украинская культура в XIX в. была вынуждена «возрождаться», так как после воссоединения с Россией была «практически уничтожена». Царское правительство «насаждало такую систему образования, которая была призвана... вытравить в украинском народе национальное сознание, навязать чувство неполноценности, создать впечатление ведущей роли русской нации в жизни украинцев». С этой целью «в первой половине XIX в. царизм окончил с украинской школой» (10).

В 1930-е гг. «советский тоталитаризм» громил именно «украинскую науку и образование». Даже «шахтинское дело» было направлено против «украинской промышленности» (11). Упоминается и «принудительная русификация» Украины и до и после 1917 г. (12). Причем русифицировалась «не только культура, но и душа» (13). Любая оппозиционная организация XIX – начала XX в. на территории Украины оказывается национально-освободительной. Организации же, имевшие своими центрами Москву и Петербург – сплошь «великоросские» и шовинистические, в том числе либеральные и социал-демократические, поскольку они считали, «что различия между “великороссами” и “малороссами” – незначительные». Соответственно, революционные события начала XX в. «обогатили опыт украинского революционного движения еще одним важным уроком: русское оппозиционное движение является таким же централизаторским, как и его главный противник – царское самодержавие» (14).

Также обязательным является упоминание о том, что вступление советских войск на территорию Западной Украины в составе Польши в 1939 г. – «сговор двух агрессоров, уравнивающий Гитлера и Сталина». Превознесение деятельности Украинской повстанческой армии в годы Великой Отечественной войны как национально-освободительного движения. Якобы УПА освобождала целые районы Украины «от немцев и советской оккупации», а после войны ОУН-УПА продолжала «борьбу с тоталитарным режимом» (15).

Встречаются в обязательных и рекомендованных учебниках и учебных пособиях не просто националистические, но и странные заявления. Так, после русско-турецких войн XVIII – начала XIX в. для украинцев устья Дуная «один вид национального гнета сменился другим – турецкий русским», а после войны 1812 г. украинцы «надеялись», что царь «отблагодарит их после победы» восстановлением автономии, но поняли что «только в собственном государстве возможно улучшение жизни» (16).

Важно, что подобными тезисами украинские учебники истории насыщались последние 20 лет вне зависимости от политических взглядов актуального руководства страны. В чем же причина такого массового мифотворчества и антироссийской интерпретации общей истории русских и украинцев? Представляется, что дело не только и не столько в провокациях неких западных спонсоров новой украинской исторической науки и усилиях западно-украинских националистов. Подобное явление в мировой историографии не уникально.

В XIX – начале XX в. в Европе шел активный процесс становления европейских наций, процесс изменения границ и создания новых государств. Иногда границы одних и тех же территорий менялись многократно. Так, на бельгийских землях после Великой французской революции были провозглашены Соединенные Штаты Бельгии, затем после краткосрочной реставрации Габсбургов они отошли Франции, а после Венского конгресса присоединены к Голландии в составе Нидерландского королевства, и в конце концов после революции 1830 г. возникло независимое бельгийское государство. К нему была присоединена большая часть территории Великого герцогства Люксембург.

В 1814 г. в борьбе с Данией получила независимость Норвегия, которая впрочем, вскоре поначалу приняла унию со Швецией. Померания отошла Пруссии. Активно передвигались границы на Балканах, где возникли новые независимые Греция, Болгария, Румыния и пр. Завершившие складывание новой национальной структуры Европы, возникли новая Германская империя и единое королевство Италия.

Однако старая эпоха открытых захватов по праву сильного уже закончилась. Совершенно естественно, что на этом этапе новым государствам и государствам в новых границах требовалось обоснование, позволявшее хотя бы в идеологической форме «легитимизировать» свое новое состояние. Этот

социальный заказ и стали выполнять европейские историки. Они должны были найти аргументы исторического существования новых национальных государств в конкретных границах. Наиболее ярко это происходило в Германии. К. Лампрехт, а также последователи историко-политической школы Ранке И.Г. Дройзен, Г. Зибель, их противник Ю. Финкер и другие ученые с разных идейно-концептуальных позиций обосновывали процесс непротиворечивого развития германского государства (почти с античности) и немецкой культуры, прославляя императоров Священной Римской империи германской нации и прусских королей.

В это же время во Франции писалась другая история Европы. Различия сохранились до сих пор, несмотря на формирование единого европейского культурного пространства. В современных Германии и Франции и сейчас очень беспокоятся, что проект «Единая Европа» не стал еще бессмертным. Специалисты понимают, что есть германская история Европы, французская, итальянская и т.д., не похожие друг на друга (17).

После распада СССР возникла в чем-то аналогичная ситуация. После многочисленных территориальных пертурбаций советского периода новым независимым государствам требовалось подтвердить историческое право этих образований на существование. И эти доказательства необходимы прежде всего были не для строительства взаимоотношений с новой Россией, Западом или Востоком. Доминировала потребность в краткие сроки убедить собственное население в том, что создание новых государств это, по сути, их воссоздание. Так можно было обосновать законность того, что национальные элиты получили суверенную власть над ранее имперскими/советскими территориями.

Соответственно одним из важнейших моментов, которые внедряются в головы украинских школьников и студентов – существование некоей украинской государственности и украинского народа с древних времен. В учебниках можно встретить раздел «Появление людей на территории Украины 1 млн лет до н.э. – VIII в. н.э. Исторические корни украинского народа». Иногда авторы пишут о том, что «украинский народ образовался из племен полян, северян, дулебов и пр.» (18).

Соответственно, удревняется украинская национальная культура. Так, «излюбленными древнеукраинскими героями» стали Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Монахом Киево-Печерской лавры Нестором было создана древнейшая украинская летопись под названием «Повесть временных лет» (19). Украинский язык, вообще «имеет тысячелетнюю историю» (20), он якобы сформировался в XIII в. в результате сближения двух диалектных групп – «поднепровской» и «юго-западной», сложившихся на территории нынешней Украины (21).

Другим обязательным элементом учебной программы является утверждение о том, что украинское государство существовало не только в виде Киевской Руси, но и позже, в средние века (Галицко-Волынская Русь) и Но-

вое время («украинское казацкое государство» Запорожская Сечь, «Украинское национальное государство» Б. Хмельницкого периода «украинской национальной революции 1648–1672 гг., и даже украинское государство под руководством гетмана И. Мазепы, позже развернувшего антиколониальную борьбу») (22). В 1654 г. было, соответственно, подписано «украинско-московское межгосударственное соглашение», а в 1659 г. в результате «давления» русского посольства и военной угрозы новый уже «неравноправный» договор привел к тому, что некое «украинское государство теряло независимость» (23).

Существуют более жесткие и более мягкие в отношении России тексты. К счастью, лишь изредка можно встретить заявление в рекомендованном Минобром Украины учебнике о том, что речь идет об истории народа, который «в темные часы большевистского тоталитаризма миллионами душила костлявая рука сталинских голодоморов; народа, безымянными могилами сыновей и дочерей которого покрыты необъятные просторы Сибири и Дальнего Востока, Казахстана и Крайнего Севера» (24).

Впрочем, и такие учебники рекомендуются министерством и выдерживают несколько переизданий. Но и более сдержанные авторы повторяют мысль о древней украинской национальной государственности. Разница лишь в том, что радикалы пишут о том, что у украинского народа, «который испокон веков знали не только в Европе, а во всем мире», «украли историю государственности и право на нее, навесив ярлык “младшего брата”» (25), а другие всего лишь утверждают, что в «преподавании курса истории Украины» с древнейших времен «главное внимание придается описанию формирования украинского народа и его государства...» (26). И здесь мало что изменилось после прихода к власти В. Януковича, и вряд ли изменится в дальнейшем вне зависимости от характера взаимоотношений украинской и российской властных элит.

Однако такой путь к исторической легитимизации государственности не единственный. Есть и другие способы обоснования права на суверенитет. Так, в близкой Украине по культуре и историческим корням Беларуси рекомендованные и допущенные Министерством образования учебники по национальной истории практически не содержат антироссийских тезисов. Наоборот, в соответствующих разделах учебников и пособий подчеркивается, что белорусский народ не дискриминировался, а «законодательные ограничения по отношению к оппозиционным польским помещикам... не дают никаких реальных оснований говорить о некоем «колониальном угнетении» Беларуси в Российской империи».

Более того, «“колониальное положение” Беларуси... – один из националистических мифов, который должен быть изжит нашей историографией» (27).

В белорусских учебниках реализуется концепция отсутствия национально-освободительного движения в регионах, где «корыстная националь-

ная элита» пыталась выдать за него «любое проявление недовольства в национальных районах... с целью создания “собственного государства”, т.е. государства для нее» (28).

Обычно разделяется понятия «государство» и «страна» (29) и формулируется вывод об исторических событиях на нынешней территории Беларуси, государственность которой была создана не в виде Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, не являвшегося национальным белорусским государством (30), и даже не в марте 1918 г. (Белорусская Народная Республика в условиях немецкой оккупации) (31), а 1 января 1919 г. в форме БССР (32).

В то же время речь не идет о воспроизведении тестов из советских учебников. Ведь задачи перед авторами белорусских учебников стоят такие же, как на Украине. В текстах для студентов и школьников обязательно содержится «ритуальная» фраза: «История Беларуси берет свое начало в глубине тысячелетий» (33), что аргументируется общностью восточно-славянских народов.

В содержании учебной программы по обязательному для всех специальностей курсу «История Беларуси (в контексте мировых цивилизаций)», утвержденной Министерством образования Республики Беларусь, упоминается создание не древнерусского и не древне-белорусского, но «объединенного древнего восточнославянского государства» – Киевской Руси. По отношению к более позднему времени в программе выделяются некоторые национальные тенденции. Предлагается изучать «политический мир литовско-белорусского средневекового общества», «особенности литовско-белорусского менталитета», утверждается, что в XIV–XVI в. произошла «консолидация белорусской народности» (34).

При этом важно, что *особая национальная* история в Беларуси, как правило, не подменяется историей Полоцкого и Турово-Пинского древнерусских княжеств, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой. Собственно *белорусская* история в местных учебниках реализуется, прежде всего, в «развитии белорусского народа, в становлении его материальной и духовной культуры... формировании национального самосознания белорусов... в развитии родного языка, социально-политической и философской мысли... утверждении национальных обычаев и традиций, в приверженности населения православному вероисповеданию». Объясняется, что именно «польско-католическое давление вынуждало все православное население сплачиваться... обращаться к общерусским политико-государственным ценностям» (35).

В отношении факторов обретения окончательной независимости белорусским государством в конце прошлого века учебники не совсем уверены, здесь много противоречий. Так, в той же министерской программе события 1990–1991 гг. названы «движением за национальное *возрождение* Беларуси» (36). Кое-где «упрочение самостоятельности» в августе–декабре 1991 г.

связывается с провалом ГКЧП, глубоким экономическим кризисом, социальными проблемами, беспомощностью центральной власти (37). В одном тексте могут содержаться противоречащие друг другу тезисы (38).

Однако в целом, несмотря на «мягкость» аргументов авторов белорусских учебников, их вариант также эффективен. Результат воздействия белорусских учебных текстов на молодежь не намного отличается от украинского радикального варианта. В результате блиц-опросов, проведенных автором в среде студенческой молодежи г. Минска и г. Одессы (пожалуй, самой русскоязычной на Украине), выяснилось, что современные студенты не испытывают никаких сомнений в исторических корнях украинского и белорусского национальных государств и в объективности некоей обособленной истории украинцев и белорусов.

Неконфронтационная аргументация белорусских учебников, впрочем, делает возможными лозунги создания единого союзного государства, но его реальность для белорусской молодежи неочевидна: в том числе благодаря школьному и вузовскому курсу национальной истории государственный суверенитет стал одной из важнейших ценностей новых поколений постсоветского пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа / 2-е изд. – Киев, 1991.
- (2) Цит. по: *Шевченко Ф.П., Смолий В.А.* М.С. Грушевский: краткий очерк жизни и научной деятельности // *Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа. – С. 353.
- (3) *Субтельний О.* Україна. Історія / 3-е вид., перер. і доп. – Київ, 1993.
- (4) См., напр.: *Історія України: нове бачення: у 2 т. / Під ред. В.А. Смолія.* – Київ, 1995–1996.
- (5) *Кузьменко Ю.* Історія Української мови. – Київ, 2001. – С. 8. Вообще в украинской общественно-исторической мысли стали возникать новые мифологемы. Характерным примером может служить тезис известного автора многих публикаций по истории Украины В.В. Гейченко: в X в. «русскими начали называть себя все народы Русского государства, которое, расширив свои границы, стало называть вновь приобретенные земли Большой [Великою – укр. яз.] Русью в отличие от Малой Руси – метрополии. В истории известны аналогичные пример: Малой Грецией называли Элладу, Большой [Великой – укр. яз.] – эллинские колонии» (*Гейченко В.* Феномен російської інтелігенції // *Сучасність.* – 2003. – № 9. – С. 139).
- (6) *Лях Р.А., Темрова Н.Р.* Історія України. З найдавніших часів до середини XIV ст.: Підруч. для 7-го кл. серед. шк. – Київ, 1996. – С. 103. Здесь и далее цитируются исключительно учебники и учебные пособия «с грифом», то есть рекомендованные или допущенные Министерством образования (позже – Министерством образования и науки) Украины и Министерством образования Беларуси для использования в средней и высшей школе этих стран.
- (7) *Власов В.* История Украины. 8 класс. – Киев, 2002. – С. 88, 92, 274, 277; *Конончук І.М.* Історія України від стародавніх часів до «Померанчевої революції». – Ніжин, 2005. – С. 128.
- (8) Там же. – С. 87.

- (9) Там же. – С. 205–222.
- (10) Турченко Ф.Г., Мороко В.Н. История Украины. XVIII – начало XX в.: Учебник для 9-го класса. – Запорожье; Киев, 2001. – С. 108.
- (11) История Украины / Під ред. М.О. Скрипника: Навч. посіб. – Київ, 2003. – С. 224.
- (12) См.: Конончук І.М. Історія України від стародавніх часів... – С. 185–190.
- (13) Кузьменко Ю. Історія Української мови. – С. 39.
- (14) Турченко Ф.Г., Мороко В.Н. История Украины. XVIII – начало XX в. – С. 363.
- (15) История Украины / Під ред. М.О. Скрипника. – С. 241, 253, 264–265.
- (16) Турченко Ф.Г., Мороко В.Н. История Украины. XVIII – начало XX в. – С. 20, 21.
- (17) Lässig S., Pohl K.H. History Textbooks and Historical Scholarship in Germany // History Workshop Journal. – 2009. – Spring. – № 67. – P. 125–136. В 2006 г. был создан экспериментальный франко-германский учебник по европейской истории, но его успех пока не очевиден.
- (18) История Украины / Під ред. М.О. Скрипника. – С. 26.
- (19) Лях Р.Д., Темирова Н.Р. История Украины... – С. 105.
- (20) Кузьменко Ю. Історія Української мови. – С. 7, 8.
- (21) Лях Р.А., Темрова Н.Р. История Украины... – С. 104.
- (22) См.: История Украины / Під ред. М.О. Скрипника. – С. 59–64, 101–103, 115 и др.; История Украины / Під ред. В.А. Смоля / 2-е вид. – Київ, 2002. – С. 92, 108–109; Конончук І.М. Історія України від стародавніх часів... – С. 55–58; Власов В. История Украины. – С. 35, 126–130, 144–148, 164, 205, 210–211, 216.
- (23) Власов В. История Украины. – С. 147.
- (24) Остафійчук В.Ф. История Украины. Сучасне бачення: Навч. посіб. – Київ, 2008. – С. 7–8.
- (25) Там же. – С. 8.
- (26) История Украины / Під ред. М.О. Скрипника... – С. 5.
- (27) Трещенок Я.И. История Беларуси: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений: В 2 ч. / 2-е изд. – Могилев, 2004. – Ч. 1: Досоветский период. – С. 241, 242.
- (28) Там же. – С. 242.
- (29) Там же. – С. 3.
- (30) Чигринов П.Г. Очерки истории Беларуси: учеб. пособ. / 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 2004. – С. 136.
- (31) Там же.
- (32) История Беларуси (в контексте мировых цивилизаций) // Мат-лы для самост. работы / 2-е изд, доп. и перераб. – Минск, 2004. – С. 33.
- (33) См., напр.: Чигринов П.Г. Очерки истории Беларуси: учеб. пособ. / 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 2004. – С. 3.
- (34) История Беларуси (в контексте мировых цивилизаций)... – С. 24, 25.
- (35) Чигринов П.Г. Очерки истории Беларуси... – С. 136, 190.
- (36) История Беларуси (в контексте мировых цивилизаций)... – С. 38. Курсив мой. – В.К.
- (37) См.: Чигринов П.Г. Очерки истории Беларуси. – С. 440, 441.
- (38) Так, в многократно переиздававшемся, хотя и доработками, учебнике говорится о том, что белорусская народность консолидируется лишь в XIV–XVI в., но уже возникшее в X в. Полоцкое княжество стало «первым из известных нам государственных образований белорусов» (см.: Чигринов П.Г. Очерки истории Беларуси... – С. 33, 136).

**«UKRAINE–RUS», FINNO-UGRIC COLONIES
AND BELARUSIAN NATIONAL CUSTOMS:
SOVEREIGNTY JUSTIFICATION IN OFFICIAL TEXTBOOKS
ON A NATIONAL HISTORY OF UKRAINE AND BELARUS**

V.V. Kerov

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

Article contains the analysis of the latest official textbooks on a national history of Ukraine and Belarus. Textbooks are considered in the light of problems of justification of the national sovereignty, facing historians of the states formed after disintegration of the USSR. The comparative analysis allowed to reveal two types of such justification: anti-Russian and not having confrontational tendencies. Thus, both types showed the efficiency.

Key words: Russia, Ukraine, Belarus, national history, sovereignty, mythologization, school and high school textbooks.